

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ МЕХАНИЗМ ВЛИЯНИЯ ИНФЛЯЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА УРОВЕНЬ ДОВЕРИЯ В ЭКОНОМИКЕ

В последние годы внимание экономистов оказалось сконцентрированным на общих проблемах макроэкономической и финансовой стабильности. Это обусловлено тяжелыми потерями, понесенными многими странами в ходе глобального финансового кризиса 2008–2009 годов. Низкая и предсказуемая инфляция, которая была достигнута в большинстве развитых стран в предкризисное десятилетие, не обеспечила всех необходимых условий для своевременного обнаружения накопленных финансовых диспропорций и успешного их преодоления. Поэтому сегодня задачи борьбы с инфляцией все чаще рассматриваются не сами по себе, а в более широком контексте обеспечения финансовой стабильности, которую уже нельзя отождествлять с низкой и предсказуемой инфляцией.

Например, Федеральная резервная система США в 2010 году гораздо больше внимания уделяла дефляционным, а не инфляционным угрозам¹. В условиях затухания антиинфляционной риторики может создаться впечатление, что инфляция сама по себе – это незначительная проблема, решаемая чуть ли не автоматически, поэтому монетарная экспансия для стимулирования послекризисного восстановления может проводиться фактически без оглядки на инфляционные риски. Однако вопрос заключается в том, что может потерять общество, если инфляция окажется не таким уж и безобидным злом. Или, если говорить более широко, какую цену будет платить общество за накопление инфляционного потенциала на протяжении 2010 года? Проблема общественных издержек инфляции

может оказаться более серьезной, чем это виделось в 2010 году.

Общественные издержки инфляции в современной литературе принято связывать с такими явлениями, как смягчение бюджетных ограничений, снижение доверия и инвестиционного спроса, динамика занятости и доходов². Экономические издержки воплощаются в стоимости произведенных товаров и услуг. Общественные издержки могут воплощаться в общественных товарах (общественных благах). Общественные издержки инфляции могут носить характер как потерь, так и затрат. Если инфляция является платой за смягчение диспропорций, то в этом случае непосредственной общественной целью политики стимулирования спроса является "пул потерь", который дает возможность трансформировать текущие острые риски радикальной макроэкономической стабилизации в долгосрочные риски постепенных структурных и институциональных реформ³. Возникает вопрос: является ли такое общественное решение наилучшим с точки зрения всех совокупных выгод и потерь? Для этого необходимо четко представлять существо инфляционных процессов не только в макроэкономических, но и институциональных координатах.

Целью настоящей статьи является систематизация существующих научных представлений об общественных издержках инфляционных процессов в экономике и их внутренней структуре для уточнения задач государственной политики макроэкономической и финансовой стабилизации.

¹ "Соединенные Штаты и Европу ожидает дефляция (Япония уже от неё страдает) – классическое продолжение кризисов, повышающее реальное долговое бремя и сокращающее норму прибыли. Годовая базовая инфляция в США снизилась до 0,9% – самого низкого уровня за 44 года. Уровень инфляции 6-месячного годового индекса потребительских цен подошёл даже ближе к нулю, опустившись до 0,4%" – так характеризует ситуацию в конце 2010 года американский эксперт. См. : Растущая угроза дефляции [Электронный ресурс]. – Доступен с: <http://st.elitetrader.ru/blog/exclusive/126.html>

² Інфляція та фінансові механізми її регулювання ; за ред. А.І. Даниленка. – К. : Ін-т економіки та прогнозування, 2007. – 399 с. ; Корнаи Я. Социалистическая система. Политическая экономия коммунизма : пер. с англ. – М. : НП "Журнал вопросы экономики", 2000. – 672 с. ; Уэрта де Сото, Х. Деньги, банковский кредит и экономические циклы. – Челябинск : Социум, 2008. – XIII. – С. 495, 497.

³ Олешко А.А. Теоретичні аспекти антикризового регулювання національної економіки // Економіка та держава. – 2009. – № 11. – С. 87.

Что является ресурсом, и что является благом в случае, когда речь идет об определении уровня желаемой инфляции? Выдвинем гипотезу, что расходуемым ресурсом "проинфляционного" решения может быть текущий запас национальной конкурентоспособности, а благом – создание условий для долгосрочного стабильного развития национальной социально-экономической системы. Опасность "проинфляционного" общественного выбора (в форме установления желаемого уровня инфляции) заключается в том, что при достижении порогового значения инфляция сама по себе может начать действовать как деструктивный структурно-институциональный фактор, превращающий общественные издержки инфляции в потери. Точка превращения издержек в потери, скорее всего, тесно связана с понятием нормальной или приемлемой инфляции. Под последней принято считать такой уровень роста цен, который не является существенным для инвесторов и потребителей, принимающих решения об использовании дохода.

Модель инфляционного таргетирования позволяет оценить уровень потерь общественного благосостояния в случае принятия решения об ограничении ценовой динамики за счет роста процентной ставки (как потерь реального ВВП по сравнению с его потенциальным уровнем). Вопрос об институционально-структурных эффектах снижения и удержания инфляции данной моделью обходится. Однако институциональная среда не является нейтральной для антиинфляционной политики. Уже один факт включения параметра, характеризующего уровень доверия, в экономико-математическую модель инфляционного таргетирования, свидетельствует о сложном взаимодействии инфляционных процессов и институциональной среды⁴.

Одной из причин фактической приемлемости значительной инфляции является скрытый общественный выбор между издержками инфляции и издержками институциональных реформ. Как отметил К.Рогов в работе "Режим мягких правовых ограничений: природа и последствия", неэффективные институты приносят значительные убытки экономике и неудобства людям, но в массе своей общество может к ним адаптироваться; более того, часть общества научилась извлекать относительные преимущества из функционирования плохих институтов, другая – сомневается в своей конкурентоспособности в иных, незнакомых и с трудом представимых условиях. В такой

ситуации издержки на реформирование институтов начинают выглядеть для общества слишком значительными, а выгоды – неочевидными, что и определяет выбор в пользу сохранения сложившегося порядка, несмотря на его осознаваемую ущербность⁵.

Поскольку основная функция институтов в хозяйственной системе – это предсказуемость и оптимальная согласованность социально значимого поведения субъектов, постольку критерием эффективности институтов может считаться способность системы в течение длительного времени поддерживать макроэкономическое равновесие. Устаревшие или неэффективные институты могут обнаруживать себя через повышенный инфляционный фон, который сопровождает их функционирование. Если по каким-то причинам удается приглушить это "инфляционное излучение" институциональной системы, то может возникнуть иллюзия, что эти институты могут какое-то время работать более или менее эффективно. В Советском Союзе существовала скрытая инфляция, когда цены оставались неизменными в течение длительного времени, что сопровождалось нарастающим дефицитом товаров и услуг и усугубляло общие диспропорции системы.

Инфляционное таргетирование в развитых странах в предкризисные годы выполняло ту же самую функцию: инфляционные сигналы системы, порожденные и модулированные ее институциональной недостаточностью, быстро и без разбора гасились, что порождало убежденность в высокой надежности институциональной системы в целом. Из-за успехов политики инфляционного таргетирования накопление институциональных диспропорций и разрывов в этой системе носило скрытый характер. Внешне все выглядело, как обычно, однако согласованность решений, действий и потоков постепенно снижалась. Масштабы накопленных разрывов, в конце концов, достигли такой величины, что стали проявляться в неприемлемых финансовых и макроэкономических диспропорциях.

Порогом институциональной системы, который знаменует переход от общественных затрат к общественным потерям, является институт жестких бюджетных ограничений. Если институты не способны поддерживать свое существование (воспроизводиться) в условиях жестких бюджетных ограничений и принципа эквивалентности, сам факт их сохранения означает наличие иных оснований (мягкие бюджетные

⁴ Інститут таргетування інфляції: зарубіжний досвід і перспективи запровадження в Україні / А.А. Гриценко, Т.О. Кричевська, О.І. Петрик. – К. : Ін-т економіки та прогнозування, 2008. – 271 с.

⁵ Рогов К. Режим мягких правовых ограничений: природа и последствия (Наброски по политэкономии полукапитализма) [Электронный ресурс]. – Доступен с: <http://www.inliberty.ru/print.php?id=2471>

ограничения), которые неэффективные институты допускают или даже культивируют. В этих условиях институциональное поведение включает в себя оппортунистический компонент, который с течением времени усиливается, принимая форму инфляционного поведения и инфляционных ожиданий. Как показал в свое время А.Пигу⁶, инфляционные ожидания сами по себе являются сильным негативным структурным фактором, мешающим взаимному приспособлению структуры рыночного спроса и структуры рыночного предложения.

В такой экономике, в конце концов, образуется "коктейль" из оппортунистического поведения, мягких бюджетных ограничений и инфляции. Эта среда характеризуется повышенной неопределенностью, и потому является благоприятной не только для потерь и массовых ошибок, но и для рекомбинации ресурсов, институтов и технологий. Текущая эффективность хозяйственной системы снижается, и она может существенно отклоняться от состояния макроэкономического равновесия. В этих условиях государство обычно склоняется к экстремным мерам для восстановления бюджетного, финансового и макроэкономического равновесия, включая и мощность печатного станка. Институциональная подоплека происходящего обычно остается вне поля зрения, поэтому реформы либо отодвигаются "на потом", либо сводятся к простым корректировкам и улучшениям.

Выскажем предположение, что центральное место в происходящих процессах институционального рассогласования хозяйственной системы занимает смягчение бюджетных ограничений, в какой бы форме оно не происходило: то ли в форме монополизации рынков, то ли в форме расширения прямых бюджетных трансфертов отдельным участникам рынка, то ли в форме абсолютной доступности кредитных ресурсов, хотя непосредственная сфера последствий в каждом из этих случаев будет своя.

Непосредственным проявлением смягчения бюджетных ограничений является инфляция спроса. В случае монополизации рынков этот процесс быстро затухает, поскольку монополизированное предложение стабилизируется на определенном низком уровне, что стабилизирует и спрос со стороны монополистов. Более опасен для макроэкономического равновесия процесс расширения бюджетных трансфертов, поскольку инфляция будет подталкивать и получателей, и поставщиков трансфертов к компенсационным мерам, которые в условиях взаимного оппорту-

низма могут носить чрезмерный или превентивный характер. В этом случае мягкие бюджетные ограничения через механизм инфляционных ожиданий передаются за пределы бюджетной сферы, на финансовые и нефинансовые корпорации, а также на домохозяйства.

Усиление доступности кредитных ресурсов за счёт экзогенного предложения обладает наиболее опасными последствиями для национального макроэкономического и институционального равновесия. Отсутствие прямой связи с национальными финансовыми возможностями делает на время неактуальной жёсткую зависимость динамики национального благосостояния от национальной производительности. Соответственно, снижается национальная потребность в тех элементах институциональной системы, которые обеспечивают эту связь.

Негативный оппортунистический эффект "легких денег" проявляется во взаимной уступчивости кредиторов и заемщиков, которая затем по цепочке передается всем основным участникам рынка. Инфляционные ожидания подхлестывают спрос на кредиты, кредитная экспансия резко расширяет платежеспособный спрос на рынке, а предложение приспособливается к нему путем оживления ценовой динамики. Особенности политического устройства стран с формирующейся демократией вынуждают государство в условиях электорального цикла и давления политических конкурентов стать активным участником "размягчения" бюджетных ограничений за счет неограниченного финансирования бюджетного дефицита, в том числе и с помощью международных финансовых институтов. Примерно по такому сценарию разворачивалась ситуация в Украине накануне кризиса 2008–2009 годов.

Масштабы экзогенной составляющей совокупного предложения кредитных ресурсов в Украине накануне кризиса можно косвенно оценить по такому параметру, как соотношение кредитной массы и внешнего долга по состоянию на 01.01.2008. Внешний долг на эту дату оценивался в 443 400 млн грн (рассчитано по официальному курсу 5,05 грн/долл. США), а кредиты, выданные банками Украины, составили 734 022 млн грн (вся денежная масса была значительно меньше – 515 727 млн грн). Таким образом, экзогенная составляющая, с учётом внешнего замещения внутренних финансовых потребностей некредитного характера, может быть оценена как 60% совокупных кредитных ресурсов⁷.

⁶ Пигу А. Экономическая теория благосостояния : в 2-х т. – Т. 1. – М. : Прогресс, 1985. – 512 с.

⁷ Бюлетень Національного банку України. – 2010. – Липень. – С. 108, 176.

Денежное предложение, которое имеет свой исходный источник за пределами национальной экономики, может порождать эффект незаработанных денег и смягчать первоначальную жесткость бюджетных ограничений. Поэтому одной из первых жертв экзогенизации денежного предложения становится принцип жестких бюджетных ограничений.

Неоклассическая трактовка степени жесткости бюджетных ограничений как фактора, влияющего на распределение и использование ресурсов, дана в работах Я.Корнаи. Суть бюджетных ограничений определяется следующим образом: "Объем средств, находящихся в распоряжении лица, принимающего решения, накладывает ограничения на потребительские расходы, которые данное лицо хотело бы осуществить"⁸.

Согласно трактовке Я.Корнаи, жесткие бюджетные ограничения являются основой равновесных цен и рыночного равновесия благодаря следующим поведенческим и институциональным эффектам:

- субъекты рынка очень чувствительны к ценам и доходу;
- деньги играют активную роль;
- сильные стимулы к прибыли побуждают производителя работать эффективно;
- спрос предприятий и домашних хозяйств ограничен их доходами и накоплениями⁹.

Мягкие ограничения в свою очередь порождают неравновесные цены, дефицит и целый шлейф вытекающих из него поведенческих действий, стабильно снижающих уровень использования ресурсов. Деньги в такой системе играют пассивную роль: не действия лиц, принимающих решения, приспосабливаются к наличным денежным ресурсам, а, наоборот, денежные ресурсы приспосабливаются к действиям лиц, принимающих решения¹⁰. Именно мягкость бюджетных ограничений приводит к раздуванию спроса на ресурсы. Такое понимание может позволить оценить и некоторые сопутствующие институциональные эффекты, которые еще не были учтены и проанализированы с соответствующей тщательностью. Есть смысл остановиться на этих эффектах более подробно.

Бюджетные ограничения в качестве института могут быть охарактеризованы как особый сложившийся исторически способ поведения участников рынка, предполагающий условием нахож-

дения точки равновесия равнозначность как потребительских предпочтений субъекта, так и доступных для субъекта бюджетных ресурсов, выражением чего и служит точка касания кривой безразличия бюджетной линии. Если же предпочтения могут превалировать в условиях принятия решения, то это означает ту или иную степень мягкости бюджетных ограничений.

Выделим ряд понятий, которые так или иначе связаны с понятием жестких бюджетных ограничений: *эквивалентность*; *статус*; *предпочтения*; *конкуренция*; *деньги*; *доверие*; *равновесная цена*; *свободный выбор*. Эти понятия могут быть расценены как обязательные условия наличия жестких бюджетных ограничений.

Эквивалентность означает взаимное признание равных прав в обмене. Эквивалентность является способом разрешения первичного конфликта между субъектами по поводу ресурсов. Отсутствие *эквивалентности* делает пропорции обмена нестабильными, доступными произволу, при этом утрачивается исключительный регулятивный смысл жестких бюджетных ограничений, которые теперь существуют *наряду* с другими возможными факторами выбора (власть, сила, обман)¹¹.

Необходимость воспроизводства *статуса* диктует набор предпочтений субъекта. Субъект вынужден иерархически структурировать свои потребности и нужды, если он хочет сохранить или упрочить свой статус.

Предпочтения как позитивная форма снятия неопределенности выбора делятся на стабильные, переменные и случайные. Статус выражается в стабильных предпочтениях, или в динамике переменных предпочтений, отражающей естественный жизненный цикл статуса (возникновение, развитие, угасание). Случайные предпочтения выражают элементы неопределенности в характере среды и условиях реализации статуса.

Конкуренция как конфликтная форма распределения и использования ресурсов снимает неопределенность выбора субъекта за счет ограничения альтернатив путем внешнего информирования (претензий, заявок) и давления со стороны других субъектов.

⁸ Корнаи Я. Социалистическая система. Политическая экономия коммунизма : пер. с англ. – М. : НП "Журнал вопросы экономики", 2000. – С. 166.

⁹ Там же. – С. 173–174.

¹⁰ Там же. – С. 174.

¹¹ Говоря о социалистическом предприятии (фирме), Я.Корнаи отметил феномен множественности критериев эффективного поведения: "Интерес руководителей и их начальников к издержкам и прибыли, а также чувствительность к доходу не так сильны и выражены, по сравнению с другими, более сильными, стимулами" [См.: Корнаи Я. Социалистическая система. Политическая экономия коммунизма : пер. с англ. – М. : НП "Журнал вопросы экономики", 2000. – С. 171].

Деньги как всеобщий эквивалент дают количественную определенность и взаимную сопоставимость предпочтений и ресурсных возможностей предельно широкого круга рыночных субъектов, чем задаётся принципиальная возможность сведения множества бюджетных ограничений в более или менее целостную систему совокупного спроса.

Доверие означает для субъекта возможность сосредоточиться только на тех условиях выбора, которые не гарантированы институтами и институциями, предполагая, что институциональные предписания будут соблюдаться всеми участниками рынка с достаточно высокой степенью вероятности. Если такой гарантии нет, жёсткость бюджетных ограничений может быть снижена за счёт оппортунистических практик уже со стороны самого субъекта. С другой стороны, у него самого возникает потребность в дополнительных проверочных процедурах, поскольку он подозревает своих контрагентов в склонности к умышленному обману, что равносильно сокращению бюджетных возможностей субъекта.

Наличие *равновесной цены* является экзогенным условием формирования бюджетной линии потребителя. Равновесные цены придают позитивный смысл жёстким бюджетным ограничениям, гарантируя максимизацию функции полезности в случае их чёткого соблюдения. Неравновесная цена вносит в бюджет потребителя элемент неопределённости, поскольку вынуждает каждый раз пересчитывать возможности и потребности субъекта с учётом сравнительной доступности необходимых благ.

Свободный выбор означает, что жёсткие бюджетные ограничения являются внутренним детерминантом механизма экономической свободы как позитивного образа хозяйственных действий. Поскольку экономическая свобода сама представляет способ снятия неопределённости, данная в бюджетных ограничениях определенность наличных ресурсов является предпосылкой свободного выбора. Наоборот, деградация ресурсных ограничений может породить ситуацию случайных решений и произвола как антипода экономической свободы. Бюджетные ограничения как данная непосредственно зависимость субъекта от ресурсов первичным образом структурируют содержание целенаправленной деятельности человека, которая затем обогащается все более сложными зависимостями и возможностями. В то же время бюджетные ограничения играют и роль негативно-ограничения выбора, делая недоступными явно ошибочные решения, которые могли бы иметь разрушительные последствия не только для субъекта, но и для всего рынка.

Таким образом, бюджетные ограничения играют роль своеобразного камертона системы институтов рынка, который даёт им возможность выполнять свои функции согласованно, "в унисон". Если этот камертон повреждён, то вся система начинает работать вразнобой, а уровень доверия снижается.

Смягчение бюджетных ограничений для значительной части субъектов рынка порождает два ряда негативных последствий: во-первых, снижается общая согласованность функционирования институциональных предпосылок рынка; во-вторых, усиливается неопределённость в распределении и использовании ресурсов и снижается общий уровень равновесия. Неопределённость самого процесса смягчения приводит к существенному падению доверия и переориентирует активность субъектов на доступ к внешним бюджетным ресурсам. Такая борьба за ресурсы уже не носит характера рыночной конкуренции, а потому и её результаты находятся в существенном противоречии с общими условиями рыночных механизмов распределения ресурсов, включая и рыночное доверие.

Как показал Уэрта де Сото, снижение доверия и нарушение естественной координации рынков актуализирует потребность в прямом принуждении, в привилегиях, и в то же время порождает массовые ошибочные инвестиции¹². Приводит к этому, по утверждению Уэрта де Сото, может не только государственно-социалистическая монополия на хозяйственную деятельность и хозяйственные решения, но и волюнтаристская система монополии государственного центрального банка на эмиссию платежных средств¹³. Такая точка зрения, безусловно, выглядит слишком радикальной, однако идея о потенциально разрушительном влиянии безудержной кредитной эмиссии на институциональную и функциональную целостность системы рынков заслуживает внимания.

Если и можно в условиях прогрессирующего смягчения бюджетных ограничений добиться хотя бы краткосрочного восстановления доверия и общего равновесия, то только двумя путями: либо перенести решение наиболее острых проблем на будущее, либо сконцентрировать плохие общественные активы в жёстко ограниченной зоне рынка, которая будет их утилизировать за счет части общественных (бюджетных) ресурсов. И в том, и в другом случае исходная проблема не решается, поэтому предкризисные институцио-

¹² Уэрта де Сото, Х. Деньги, банковский кредит и экономические циклы. – Челябинск : Социум, 2008. – XIII. – С. 495, 497.

¹³ Там же. – С. 495–496.

нальные и финансовые диспропорции будут воспроизводиться вновь и вновь.

Выводы. Инфляция влияет на уровень общего равновесия экономической системы не только и не столько через текущие отклонения занятости и уровня доходов, сколько через деструктивное влияние на целостную систему доверия, воплощением которого служат институциональные ограничения, критерии и механизмы рыночного поведения субъектов. Среди этих механизмов центральное место занимает институт жестких бюджетных ограничений, связывающий

воедино рыночные ограничения, рыночные стимулы и рыночные механизмы – как на уровне субъекта, так и на уровне системы в целом. В латентном или прямом смягчении бюджетных ограничений может заключаться наибольшая опасность ситуационных антикризисных мер для экономики. Рациональная политика макроэкономической и финансовой стабилизации должна учитывать исключительную роль института бюджетных ограничений для обеспечения условий долгосрочного национального социально-экономического развития.